

Регистратор Сюй поднялся ни свет ни заря и сразу отправился к амбарам. С собой он прихватил двух опытных счетоводов, известных на весь город своим умением быстро и точно вести расчеты. Устроившись у зернохранилища, они принялись ждать, пока одна за другой потянутся повозки и побредут крестьяне, везущие осеннюю подать. Советника Цяня звать не стали. Сюй взял лишь новенькие уездные книги — подворную перепись и реестр пахотных земель.

Уезд Бычьего Рога совсем недавно оправился от войны. Здесь всё было новым, включая городские стены. И учет вели с чистого листа: какая деревня, сколько дворов, сколько земли за каждой семьей и какую подать надлежит внести — всё как на ладони, без малейшей путаницы.

На подмогу согнали всех служек управы. Обычно за амбарами присматривали четверо мелких смотрителей, но сейчас они бы ни за что не управились в одиночку. Впрочем, стражу призвали еще и для порядка — чтобы сбор проходил принародно. В толпе, под сотнями бдительных крестьянских глаз, никто не осмелился бы обвесить или подтасовать записи, да и побоялся бы.

Зернохранилище отстроили на славу — в закромах ни единой щели, ни мышинной норки. Сколько ссыплют, столько и останется!

Регистратор Сюй дело свое знал крепко. Заранее заготовил кучу расписок и приложил к ним личную печать. Первыми сдавать зерно явились жители деревни семьи Дин. Сверив записи со вторым дядей, Дин Дацзяном, Сюй проверил его подворную запись и выписал квитанцию в четырех экземплярах. Глашатай с зычным голосом тут же объявил на всю площадь:

— Деревня семьи Дин! Дин Дацзян! Налог серебром — один лан и двадцать вэней, казенного зерна — сто сорок пять даней, прочего зерна — десять даней!

И следом добавил для толпы:

— Квитанция составлена в четырех списках! Один выдается на руки Дин Дацзяну, второй уходит в архив управы, третий забирает регистратор, а четвертый — для проверки!

Толпа ахнула, крестьяне переглядывались в изумлении. Чтобы вот так, открыто и при всех — отродясь такого не бывало! А вот у амбарных смотрителей при виде весов коленки подогнулись. Они готовы были рухнуть перед регистратором Сюем на колени. Своими дотошными расписками он буквально резал их без ножа!

Свежесобранное зерно всегда тяжелое от влаги. Ссыпь сейчас сто цзиней, а к весне, дай бог, девяносто останется. А если урожай собирали в сырость, то и все восемьдесят.

— Вот оно что, — прищурился регистратор Сюй, с усмешкой глядя на присланных уездным

судьей Ма людишек. — Ну и сколько у вас обычно «усыхает» при хранении? Говорите, чего молчите?

Один из зрителей с плаксивым видом пробормотал:

— Господин регистратор, побойтесь неба... Нельзя же так...

Эта усушка всегда была золотой жилой — неписаным законом, кормившим всякого прихлебателя у амбара.

— Ладно, — примирительно отозвался Сюй, вовсе не желая загонять бедолаг в угол. — Давайте я прямо в расписке укажу долю на усушку. Спишем этот вес сразу. А уж усохнет оно на самом деле или нет, меня не касается.

Смотрители едва не разрыдались.

— Прямо... записать?.. Господин, помилуйте!

— Хорошо-хорошо, не буду свирепствовать. Округлим убыль до двадцати цзиней, — отмахнулся регистратор.

Убыль в двадцать цзиней — это с избытком, да только крестьяне все видят, зерно взвешивают у всех на глазах. Четверо зрителей готовы были хоть сейчас в петлю лезть. Обычно уездный судья Ма щедрой рукой закладывал на усушку все сорок цзиней. Двадцать из них зрители списывали честно, а оставшиеся двадцать пускали в обход казны — это и была их чистая прибыль. Еще пять цзиней с каждого мешка полагалось советнику по налогам и продовольствию. Мелким сошкам тоже перепал кусок, пусть и скромный.

Но теперь лавочка закрылась. Эти двадцать цзиней уплыли из их карманов... Точнее, никуда они не уплыли, просто теперь каждая горсть была занесена в книги.

С налогами серебром и медью дела обстояли не лучше. Регистратор Сюй приказал выставить двадцать сундуков для серебра и пятьдесят — для медных монет. Возле медных ларей дежурили две служки управы со связками пеньковой бечевки. Они ловко нанизывали монеты: десять взней — в одну связку, две связки связывали вместе — вот и двадцать. Десять таких двойных связок составляли ровно сто взней. На конце вязали узел и бережно опускали в сундук. Ни единой монетой больше, ни единой меньше. И пускай серебро крестьяне приносили тусклое, низкопробное, оно все равно шло в дело. Каждая плата за переплавку — так называемый плавильный сбор — тоже скрупулезно записывалась в реестр. Сюй развернул дело с неслыханной честностью и прозрачностью.

Всё происходило на виду у честного народа. Регистратор Сюй еще и старосте трех деревень всё терпеливо растолковывал. Пока здесь взвешивали и считали, до советника Цяня наконец

дошли вести о творящемся самоуправстве. Тот, словно ошпаренный, бросился разыскивать судью Ма.

Однако господин судья изволил отдыхать во внутренних покоях. Он развлекался тем, что помогал своей любимой наложнице Жуюй рисовать с натуры раннюю осеннюю хризантему. Нежно-розовый цветок, пышный и огромный, красовался в изящном горшке прямо перед ними.

Советник Цянь добежал до резных лунных врат и замер, не смея переступить порог. Он подозвал дежурившую у входа старуху и зашептал:

— Срочно зови хозяина! Скажи, стряслась беда, пусть идет немедленно!

— Да ведь господин сейчас с госпожой Жуюй картину пишут, — протянула старая нянька, неохотно переминаясь с ноги на ногу. Ее так просто было не сдвинуть с места.

Прослужив в усадьбе много лет, старуха прекрасно знала: когда барин уединяется со своей любимицей, беспокоить его — себе дороже. Любой, кто осмелится нарушить их любовную идиллию, не оберется неприятностей. Без крайней, смертельной нужды туда лучше не соваться. Как-то раз одна молоденькая служанка, смазливая собой, вознамерилась привлечь внимание барина. Законная супруга судьи смотрела на это сквозь пальцы, и девка решила, будто ей всё дозволено. Она дерзнула явиться к барину прямо посреди его свидания с наложницей Жуюй, надеясь увести его к себе. И что же? Ее саму увели со двора в тот же вечер. Поговаривали, разгневанный господин продал глупышку в самый грязный притон на окраине, откуда дороги назад нет.

Все понимали: барин лишь исполнил волю наложницы. У судьи Ма характер был мягкий, податливый, он во всем потакал Жуюй. Даже разбираться не стал — отдал девку ей на расправу, да и дело с концом. С тех пор никто в усадьбе не смел выказывать Жуюй неуважение из-за ее положения фаворитки.

В доме установилось шаткое двоевластие, и слугам приходилось несладко — поди разберись, кому угождать. Законной хозяйкой усадьбы оставалась госпожа Ма, но наложница Жуюй пользовалась безграничной властью над сердцем супруга. Впрочем, последнее слово всегда оставалось за барином — благо у него имелась влиятельная сестра во дворце. С другой стороны, семья госпожи Ма ворочала огромными капиталами, и судья частенько прибегал к ее кошельку для продвижения по службе. Челядь металась между двумя огнями, гадая, к какому берегу прибиться: выказывать ли преданность законной супруге или заискивать перед фавориткой.

— Какая, к чертям, картина, когда у нас земля под ногами горит! — вскипел советник Цянь.

Но старуха на входе упрямо загородила проход, а ее напарница, подперев бока руками, ехидно добавила:

— Сама иди под горячую руку, если жить надоело. А мы подневольные, нам шкура дорога.

Советник Цянь мысленно проклял обеих карг, но срывать злость времени не было. Сдержав гнев, он полез в шелковый кисет на поясе и выудил две крошечные серебряные бусины размером с арахис — весом от силы в пару фэней каждая.

— Держите, по одной в каждую руку. Кто из вас пойдет и доложит господину? Дело не терпит отлагательств! Обещаю, ни барин, ни госпожа Жуюй вас не тронут. Но если из-за вашей трусости случится непоправимое, головы полетят именно с ваших плеч.

Твердый тон советника в сочетании с блеском серебра возымел действие. Для простых привратниц даже такое подношение было неплохим кушем.

— Ну хорошо, господин советник, обождите малость. Я мигом! — та, что стояла слева, проворно цапнула серебро, припрятала в складках обшлага и торопливо засеменила в глубь сада.

Оставшаяся у ворот старуха сплюнула ей вслед:

— Тварь жадная! Ишь, выслужиться побежала. Смотри, как бы благодетельница твоя с тебя три шкуры не спустила за такую дерзость.

Советник Цянь лишь безглаголиво поморщился, наблюдая за этой мышинной возней. Вражда между дворней зашла так далеко, что даже у ворот стояли ставленницы двух разных лагерей — одна от законной супруги, другая от наложницы. Гнилое болото, а не чиновничья усадьба! И ради чего устраивать такие козни в захолустном уезде? Делить слуг, строить заговоры на ровном месте... Тьфу, да и только!

<http://bllate.org/book/19387/1997461>